

В приглушенном холодном свете софитов один за другим являлись редчайшие экспонаты со всех уголков земли.

Изящный перегородчатый клуазоне эпохи Цяньлун, изысканный сине-белый фарфор династии Юань, драгоценности венского императорского двора... Каждое из этих сокровищ ослепляло своим великолепием.

За плечами ведущей были тысячи торгов: стук её молоточка раздавался как в Китае, так и далеко за океаном.

Она прекрасно знала, как разжечь аппетит пресыщенной публики. Богачи редко снисходили до того, чтобы просто разглядывать вещи, — их нужно было завлекать изысканными речами и бесконечными славословиями, вознося ценность каждого лота до небес.

И так продолжалось до тех пор, пока какой-нибудь толстосум лениво не решал: «Что ж, пожалуй, сойдет для гостиной».

Шэн Юаню же казалось, что сокровище и без того прекрасно. Словно луна.

Ему не требовалось лишней мишуры — искренний, восхищенный взгляд ценителя был для него лучшим украшением.

Под мерный стук молоточка аукционные таблички то взмывали вверх, то опускались, напоминая колыхание темного, беспокойного моря.

Стоимость лотов стремительно росла. Цифры на табло давно превзошли всякие разумные пределы, однако эта негласная, полная скрытого напряжения борьба тщеславия и не думала утихать.

За окном по-прежнему лило, и косые струи дождя тоскливо размазывались по стеклу.

Небо затянуло непроглядной теменью. Луны не было.

Проигравшие лишь разочарованно пожимали плечами, да и сам победитель, похоже, быстро терял интерес к выигранной безделушке.

Шэн Юань вдруг понял: сильным мира сего настоящая луна без надобности. Ведь они могут купить её в любой момент.

Он медленно разгладил замявшийся уголок страницы, словно пытаясь унять собственное растревоженное, хрупкое сердце.

Как описать эту ночь?

Он чувствовал себя крошечным ночным зверьком, который привык считать небом круглую крышку колодца над головой. Но из-за нелепой ошибки времени ему вдруг позволили заглянуть в ослепительный мир, залитый светом.

Невероятно сияющий, роскошный и порочный.

Мир этот дышал соблазнами. И даже он, привыкший красться тенью и взвешивать каждый шаг, не устоял перед искушением пожелать то, что находилось на недостижимой высоте.

Вот только оставаться здесь смертельно опасно. Он слишком слаб, его хрупкую жизнь легко раздавит тяжелым колесом чужой судьбы.

Му Сюнь прав. Му Сяодо достоин восхищения, достоин того, чтобы им любовались издалека... Но желать его — непозволительная дерзость. Это очернило бы его, как грязное пятнышко на безупречно чистом нефрите.

— Ты преувеличиваешь.

После затянувшегося молчания Шэн Юань наконец прервал эту гнетущую тишину.

Му Сюнь растерялся, словно уже позабыл собственные слова.

— Кто я такой, где моё место и о чём мне дозволено мечтать... — Шэн Юань мягко улыбнулся собеседнику. Голос его прозвучал тихо и прохладно. — Я прекрасно всё понимаю, лучше любого другого. Здесь чудесно. Спасибо, что привез меня сегодня.

В слабом свете софитов волосы и глаза Шэн Юаня казались совсем светлыми, а взгляд лучился такой мягкостью, что Му Сюнь разглядел в глубине его зрачков собственное отражение.

«Особенно эта крошечная кофейная родинка у самой переносицы... И как я раньше её не замечал? Хоть и пристроилась в самом уголке глаза, а ведь... притягательно».

Неожиданное, запоздалое на добрый десяток лет смущение заставило его уши вспыхнуть пунцовым цветом.

Му Сюнь неловко кашлянул, заерзал на месте и попытался придать лицу самое невозмутимое выражение:

— Если тебе нравится... я могу и дальше возить тебя сюда.

Шэн Юань лишь покачал головой и тихо отказался.

Незаметно для спутника он коснулся мочки уха.

Гул толпы, непрекращающиеся выкрики ставок — всё это мгновенно растаяло, едва Шэн Юань отключил слуховой аппарат. Мир вокруг погрузился в глухую, безмятежную тишину.

В его глазах отражались лишь блики на подиуме. Позади сидел тот, кто сиял ярче лунного света, но из-за грызущего чувства вины юноша не смел даже обернуться.

Му Сюнь закинул ногу на ногу, нетерпеливо покачивая носком туфли.

Едва душная волна смущения отхлынула, как на её место пришло неприятное, щемящее чувство вины.

«Кажется, я сейчас наговорил ему лишнего...»

Но ведь сказал-то правду. Без прикрас, зато честно.

Му Сюнь уже вырос из подросткового возраста, но мальчишеское упрямство и горячность всё ещё давали о себе знать.

— Тсс...

Он резко поменял позу, разворачивая длинные ноги, и случайно задел спинку переднего кресла.

Сидящий впереди гость недовольно обернулся, но, натолкнувшись на тяжелый, мрачный взгляд Му Сюня, тут же поспешно отвернулся.

В этой жизни мало что могло заставить молодого господина Му устыдиться своих поступков.

Сам он предпочитал называть это прямоотой характера, хотя прекрасно понимал: это фамильный эгоизм и холодность, унаследованные от предков. Такую кровь не переделать.

Растущее раздражение мешало сосредоточиться, а скучные торги на сцене навевали тоску. Он снова беспокойно заерзал, перекладывая ногу на ногу.

Слегка подавшись вперед и расправив полы дорогого пиджака, он небрежно закинул руку на спинку кресла Шэн Юаня, создавая иллюзию объятия.

До его ушей долетел тихий вздох — юноша явно устал от непрекращающейся возни соседа.

— Ну ладно тебе, не сердись, я замер.

Он поймал ладонь Шэн Юаня, согревая его ледяные пальцы в своих руках, бережно и нежно, словно сжимал кусок бесценного матового нефрита.

К его удивлению, тот даже не попытался вырваться.

Похоже, парень просто этого не заметил, погруженный в свои мысли.

Сквозь густые ресницы Шэн Юань завороченно смотрел на сцену — в его глазах, казалось, застыли два мерцающих полумесяца. Он глядел столь пристально, будто боялся даже моргнуть.

Проследив за его взглядом, Му Сюнь посмотрел на подиум. Там выставялась изящная клыковая лодочка-полумесяц, тонко вырезанная из слоновой кости.

На фоне ослепительных предметов роскоши эта скромная вещица выглядела сиротливо — скорее как бесплатный сувенир к крупной покупке, нежели ценный лот.

Маленькая, размером с ладонь, лодочка теплого кремового оттенка была вырезана из бивня африканского слона в середине прошлого века. Пожалуй, единственным её достоинством была филигранная, почти ювелирная резьба.

Заметив этот неотрывный взгляд, Му Сюнь невольно улыбнулся:

— Нравится?

Шэн Юань вздрогнул, выплывая из оцепенения, и часто заморгал.

Слов он не разобрал, но запоздало почувствовал тепло чужой ладони. Попытался высвободить пальцы, но Му Сюнь лишь крепче сжал хватку.

Тягаться силой с этим упрямцем было бесполезно — так недолго и сустав вывихнуть. Поняв это, он оставил всякие попытки и смирился.

—... Стартовая цена лота из бивня африканского слона — сто шестьдесят тысяч юаней. Итак, торги объявляются открытыми!

Удар молоточка послужил сигналом, и в зале замелькали первые таблички.

— Сто восемьдесят тысяч... Двести тысяч... Четыреста тысяч от господина во втором ряду!

— Номер пятнадцать — четыреста шестьдесят тысяч!

— Номер тридцать три предлагает шестьсот двадцать тысяч! Будут ли еще ставки?

По сравнению с предыдущим лотом — роскошной бриллиантовой тиарой австрийской герцогини, — борьба за маленькую лодочку-полумесяц шла вяло.

Подобный материал не представлял особой редкости. Будь это бивень мамонта, цена бы взлетела до небес, но обычная слоновая кость мало кого привлекала.

Ведущая понимала, что ценник уже уперся в свой разумный потолок.

Она занесла молоточек, готовая завершить сделку.

Но в этот момент краем глаза она заметила взметнувшуюся белую табличку.

На её лице скользнула довольная улыбка, и профессионально поставленный голос разнесся по залу:

— Номер шестьдесят два. Молодой господин Му предлагает один миллион!

Для Му Сюня это был первый ход за вечер. Легким, небрежным движением он опустил табличку, а его губы расплылись в самодовольной ухмылке. Вид у него был такой, словно он совершил нечто грандиозное.

Аукционистка выждала паузу, заставив молоточек зависнуть в паре сантиметров от подставки.

По рядам прокатился удивленный шепот. В поврежденном правом ухе Шэн Юаня этот гул отозвался противным шорохом — словно белый шум на экране старого телевизора, прерывающийся резкими помехами.

Сама по себе лодочка-полумесяц никого особо не интересовала, к тому же соперничать с человеком по фамилии Му дураков не нашлось.

В высшем обществе Юньчуаня давно существовало негласное правило: переходить дорогу этому семейству — себе дороже.

Казалось, судьба изящной безделушки решена окончательно.

— Один миллион — два!

Ведущая скользнула взглядом по залу и вдруг ошеломленно замерла.

— Номер семьдесят три... Один миллион сто тысяч!

Не дав ей закончить фразу, Му Сюнь вновь вскинул руку, взвинчивая ставки.

— Номер шестьдесят два — один миллион девятьсот девяносто тысяч! Поистине красивая цифра.

Му Сюнь с привычной ухмылкой праздного повесы повернулся к своему нареченному, но улыбка мгновенно сползла с его лица.

Шэн Юань почувствовал этот колючий взгляд. Он перестал возиться с наушником и, не поднимая головы, поспешно спрятал крошечный прибор в карман.

Му Сюнь недовольно фыркнул.

И пока он мысленно честил своего неблагодарного спутника всеми последними словами, номер семьдесят три сделал ответный ход. Планка перешагнула за два миллиона.

Всего за пару минут скромная лодочка-полумесяц подорожала в десятки раз.

Азарт захлестнул Му Сюня с головой. Стоило сопернику опустить руку, как он тут же вздернул свою табличку.

Даже Шэн Юань, решивший было держаться в стороне, увлекся этой безмолвной дуэлью. Пребывая в полной тишине, он с любопытством наблюдал за происходящим — признаться честно, ему очень хотелось увидеть, как этот самоуверенный наглец сядет в лужу.

Ставки росли с головокружительной быстротой. Ведущая уже не скрывала своего ликования:

— Номер шестьдесят два, молодой господин Му — три миллиона восемьсот тысяч!

Невероятная сумма для такой безделушки. На аукционе во Франции катарский шейх некогда приобрел пару великолепных цельных бивней всего за миллион с лишним, а рекордная цена на шедевр азиатской резьбы — статуэтку Гуаньинь эпохи Мин — составляла без малого восемнадцать миллионов.

Но эта лодочка-полумесяц не шла с ними ни в какое сравнение. Она была слишком заурядной.

Из-за хаотичной рассадки гостей было трудно сообразить, кому принадлежит семьдесят третий номер, а иначе Му Сюнь уже давно бы испепелил наглеца взглядом.

Напрочь позабыв о строгом наказе дяди не привлекать к себе внимания, он швырял деньги на ветер с поистине безумным размахом. Каждое чужое повышение он перекрывал кратно.

Он всего лишь хотел сделать приятное Шэн Юаню, купив копеечный пустяк, а в итоге наткнулся на какого-то безмозглого богатея, решившего пойти на принцип.

Заметив, как лихо сосед машет табличкой, Шэн Юань заподозрил неладное. Он пригладил волосы у виска и незаметно вернул аппарат на место.

И тут же услышал, как тот совершенно будничным тоном озвучивает заоблачную сумму. Шэн Юань онемел от изумления. Его пальцы, которые по-прежнему крепко сжимал Му Сюнь, невольно дрогнули.

У Му Сюня сладко заныло в груди. Решив, будто парень испугался таких трат, он самодовольно хмыкнул:

— Что такое? Ещё даже свадьбы не было, а ты уже семейный бюджет экономишь? Не переживай, у твоего мужчины на такие пустяки денег хватит.

—...

«Лучше бы я не включал аппарат», — обреченно подумал Шэн Юань.

Подобное бахвальство вызвало у него лишь глухое раздражение. Изловчившись, он ухватил наглеца за кожу на ладони и чувствительно вывернул её.

Му Сюнь тихонько шикнул от неожиданной боли, но лишь задорно прищурился, глядя на него с довольной улыбкой.

Он так и не выпустил его ладонь, напротив, настойчиво раздвинул пальцы юноши и переплел их со своими в тесном замке.

Вокруг кипела ярмарка тщеславия, огромные деньги утекали сквозь пальцы, словно вода, навевая смутные ассоциации с древними легендами о безумных безусых кутилах, готовых спустить всё состояние ради мимолетной улыбки возлюбленного.

Вглядываясь в мелькающие на табло цифры, Шэн Юань наконец сообразил, с кем именно ведется эта ожесточенная дуэль.

Он поднял голову и принялся искать глазами таинственного противника.

Как раз в этот момент номер семьдесят три в очередной раз взмыл вверх. Белая карточка опустилась, открывая взгляду благородное, с точеными чертами лицо её обладателя.

В полумраке зала холодные блики софитов очерчивали его строгий профиль, пряча глаза в глубоких тенях.

Мужчина выглядел безучастным и слегка утомленным.

Стоящий рядом помощник преданно ловил каждое движение своего босса. Стоило тому едва заметно шевельнуть бровью, как ассистент тут же послушно вскидывал табличку, продолжая борьбу.

От долгого и напряженного ведения торгов голос аукционистки слегка охрип:

— Номер семьдесят три... Четыре миллиона семьсот тысяч!

Му Сюнь уже замахнулся, чтобы выдать новый сокрушительный ответ, но его руку внезапно перехватили.

Он недоуменно повернулся:

— Ты чего?

Шэн Юань, нахмурившись, едва заметно покачал головой и одними губами прошептал:

— Это дядя...

<http://bllate.org/book/20131/2106438>